

ЭСТОНСКАЯ «ПРИБАЛТИЙСКОСТЬ» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ: СМЫСЛЫ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

А. Д. Чеков

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 03.04.2022 г.
Принята к публикации 10.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3
© Чеков А. Д., 2023

Данная работа посвящена изучению эстонского видения прибалтийской идентичности. Официальные эстонские власти неоднократно артикулировали свое скептическое отношение как к самой концепции выделения отдельного «Прибалтийского региона», так и к включению Эстонии в его состав, предпочитая позиционировать ее как североευропейскую страну. При этом известны многочисленные случаи, когда они же открыто маркировали Эстонию в качестве прибалтийского государства. В работе проводится контент-анализ официальных выступлений политического руководства Эстонии с целью выявления контекстов и значений ее маркирования в качестве прибалтийской страны. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значимое присутствие в дискурсе социально-экономической проблематики, наиболее целостный образ эстонской «прибалтийскости» конструируется комплексом взаимосвязанных сюжетов, выстроенных вокруг советского прошлого, а также ассоциированных с Россией «угроз безопасности». Дополнительной объяснительной моделью выступает теоретическая рамка регионалистики, позволяющая рассмотреть прибалтийский регион в качестве социального конструкта, а не набора материальных факторов.

Ключевые слова:

Эстония, прибалтийский, Прибалтика, идентичность, регионализм, конструктивизм

Введение и обзор литературы

В современной исследовательской литературе по проблематике прибалтийской¹ идентичности можно выделить две ключевых ее интерпретации. Первая из них является *позитивной* и делает акцент на таких сюжетах, как укрепление по-

¹ В современной науке вокруг употребления терминов «прибалтийский» и «Прибалтика» продолжается активный спор. Многие авторы используют для обозначения Эстонии, Латвии и Литвы термин «страны Балтии», аргументируя это наличием негативных ассоциаций с советским дискурсом, возникающих при употреблении словосочетания «прибалтийские страны/государства». Однако автор придерживается мнения о том, что в русском языке словосочетание «страны Балтии(ки)» корректно использовать только для обозначения *всех государств*, имеющих выход к Балтийскому морю. Поскольку данная работа посвящена проблеме региональной идентичности, то использование в русском языке словосочетания «балтийская идентичность Эстонии» сопряжено с возникновением смыслового искажения, отсылающего читателя к ее позиционированию в качестве одной из стран региона Балтийского моря. Возможным выходом могло бы стать использование терминов «восточно-балтийская идентич-

Для цитирования: Чеков А. Д. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 34–51. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3.

зиционирования Эстонии, Латвии и Литвы в качестве прогрессивного субрегиона Европейского союза (ЕС) и недопущение их маргинализации, дистанцирование от «негативного» образа постсоветского государства, объединение усилий с целью увеличения внешнеполитического влияния (в основном внутри ЕС), развитие внутрирегиональных связей и т. д. [1—4]. Вторая является *негативной* и концентрируется главным образом на периоде нахождения прибалтийских государств в составе СССР, воспринимаемом большей частью национальных элит, населения и внешних наблюдателей в качестве тяжелого исторического наследия [5—8]. В этом контексте общее прошлое «затмевает» собой значимые различия между тремя государствами, препятствуя укоренению их альтернативных идентичностей.

Эстонский исследователь Э. Берг писал о наличии подобной дихотомии еще пятнадцать лет назад: «Прибалтийские государства обрели образ как посткоммунистических тигров-реформаторов, так и яростных дезертиров из советского прошлого с его обременительным наследием» [9, р. 49]. При этом можно с уверенностью сказать, что негативная интерпретация «прибалтийскости» является доминирующей. На это указывают, в частности, работы литовского ученого М. Юркинаса, утверждающего, что современная прибалтийская идентичность «основывается на озабоченностях безопасностью в отношении России и на советском наследии» [10, р. 328; см. также 11; 12]². В свою очередь, эти «озабоченности» — прямые производные от исторического опыта отношений Эстонии, Латвии и Литвы с Россией.

Смысловые ассоциации, порождаемые негативной интерпретацией прибалтийской идентичности, имеют значимые последствия для сферы политической риторики всех трех прибалтийских государств. Они побуждают их политические элиты к проявлению феномена, который уместно назвать идентичностным эскапизмом, выражающимся в стремлении «причислить» собственные страны к другим более «благополучным» регионам. В частности, руководство Эстонии, Латвии и Литвы склонно позиционировать свои государства в качестве стран региона Северной Европы [13; также см. 14]. В части международной легитимации им удалось добиться определенных успехов; в январе 2017 г. при обновлении информации на своей официальной веб-странице Статистический отдел ООН классифицировал все три республики как североευропейские государства, вызвав тем самым закономерные отклики одобрения со стороны прибалтийских политиков³.

Из всех трех стран позиция Эстонии в отношении отрицания существования отдельной «прибалтийской идентичности» является наиболее артикулированной,

---

ность» и «страны/государства Восточной Балтии», однако в русскоязычном научном дискурсе они пока не укоренились. В связи с этим в рамках данной работы автор будет использовать для обозначения Эстонии, Латвии и Литвы в качестве единого региона термин «Прибалтика» и производные от него термины, руководствуясь соображениями более точного соответствия нормам русского языка и не вкладывая в их употребление какой-либо негативный смысл.

² К такому выводу ученый приходит не только логико-интуитивным путем, но и через проведение анализа публичных выступлений политического руководства прибалтийских стран с 1992 по 2006 г. (см. [11]) и отдельно их президентов с 2014 по 2018 г. (см. [12]). В представляемой работе используется альтернативная исследовательская методика, а эмпирический материал (выступления президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонии в период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г.) по большей части не совпадает с выборкой, анализируемой в трудах Юркинаса.

³ The UN classifies Estonia as a Northern European country, 2017, Estonian World, URL: <https://estonianworld.com/life/un-reclassifies-estonia-northern-european-country/> (дата обращения: 01.02.2022). Важно отметить, что в действительности ООН классифицирует Эстонию, Латвию и Литву как государства Северной Европы начиная с 2002 г. Однако обновление веб-страницы Счетного отдела ООН стало для прибалтийских политиков удобным поводом в очередной раз артикулировать североευропейскую идентичность своих стран.

что, в свою очередь, объясняет, почему именно эта страна была выбрана в качестве объекта для рассмотрения в данной работе. В стремлении обосновать «исключение» своей страны из Прибалтийского региона эстонские политики апеллируют к двум ключевым нарративам. Первый из них сводится к тому, что с точки зрения языка и культуры Эстония ближе всего к североевропейской Финляндии. При этом современная разница в уровне жизни между двумя странами объясняется главным образом длительным нахождением Эстонии в составе СССР [15, р. 58—73; 16, р. 289]. Альтернативный нарратив сводится к сознательному дистанцированию от образа «постсоветского государства», возникающего в голове внешнего наблюдателя при упоминании слова «Прибалтика». В данном контексте эстонские политики акцентируют внимание на том, что по определенным показателям (зачастую очень специфическим, такие как знание населением английского языка или качество интернет-соединения) Эстония находится на уровне североевропейских стран, и противопоставляют эти достижения возможным негативным ассоциациям, связанным с «советским наследием», в частности коррупции [17, р. 192—193; 18, р. 356].

После обретения независимости наиболее видным проводником идеи Эстонии как североевропейской страны стал ее министр иностранных дел (1996—1998; 1999—2002) Т. Ильвес. В этом контексте знаковым является его выступление в Шведском институте международных отношений 14 декабря 1999 г.:

К сожалению, большинство, если не все люди за пределами Эстонии, говорят о чем-то под названием «Прибалтика».

<...>

Я думаю, что пришла пора отказаться от плохо подходящих, навязанных извне категорий. Пора признать, что мы имеем дело с тремя очень разными странами региона Прибалтики с совершенно разными родственными узлами. Не существует прибалтийской идентичности с общей культурой, языковой группой, религиозной традицией⁴.

Вместо Прибалтики Ильвес предложил связать региональную идентичность Эстонии с так называемым Йолеландом, концепцию которого он сформулировал в этом же выступлении. По мысли Ильвеса, этот регион должен включать в себя все страны, где существует традиция отмечать праздник середины зимы Йоль; помимо Эстонии это государства Скандинавии (Исландия, Норвегия, Швеция, Дания и Финляндия), а также Великобритания. Несложно заметить, что границы Йолеланда соответствуют некоторым современным трактовкам североевропейского географического ареала.

Помимо традиции празднования Йоля Ильвес выделил в качестве объединяющего фактора схожесть менталитета жителей Йолеланда:

Британцы, скандинавы, финны, эстонцы считают себя рациональными, логичными, не обремененными эмоциональными аргументами; мы деловые, упрямые и трудолюбивые. Наши южные соседи считают нас слишком сухими и серьезными, трудоголиками, лишенными страсти и радости жизни⁵.

Как представляется, этот посыл был призван нащупать альтернативные способы укрепления восприятия Эстонии как части Северной Европы, так как если рассматривать Йолеланд с точки зрения уровня экономического развития и жизненных стандартов, то разница между Эстонией и другими государствами региона стала бы слишком очевидной. В конце концов предложенная Ильвесом

⁴ Estonia as a Nordic Country, 1999, *Ministry of Foreign Affairs of Estonia*, URL: <https://vm.ee/en/news/estonia-nordic-country> (дата обращения: 09.02.2022).

⁵ Ibid.

концепция не получила широкого распространения, но определенную роль в легитимации североевропейской идентичности Эстонии все же сыграла. Исследователь А. Пурс отмечает, что многие наблюдатели «не заметили попыток Ильвеса проявить юмор в речи», однако «его предложение... положило начало длительной дискуссии» [6, р. 10].

В то же время при более детальном рассмотрении политической риторики эстонского руководства подобный идентичностный эскапизм подводит нас к интересному парадоксу. Если Прибалтики не существует, то как объяснить, почему тот же Ильвес регулярно ассоциирует свою страну с этим регионом? К примеру, в упомянутом выше выступлении он заявляет: «То, что объединяет прибалтийские государства, почти полностью проистекает из общего несчастного опыта, навязанного нам извне: оккупации, депортации, аннексии, советизации, коллаборационизма, русификации»⁶. Впоследствии, уже занимая пост президента Эстонии (2006—2016), Ильвес делал выступления с сентенциями о борьбе «трех “прибалтийских мушкетеров”» за свободу⁷, о стремлении «народов Прибалтики» к обретению независимости⁸, об интеллектуальной и географической близости «прибалтийских стран»⁹, а также по многим другим сюжетам, где все три республики выступали элементами единого целого.

Данная работа призвана проанализировать этот парадокс и установить контекстуальную специфику маркирования эстонским руководством своей страны в качестве прибалтийского государства. Полученные результаты будут способствовать улучшению понимания эстонской политики путем получения ответа на вопрос, почему несмотря на постоянно артикулируемое желание избавиться от прибалтийского «ярлыка», он продолжает занимать важное место в национальном дискурсе.

Представляемое исследование состоит из пяти частей. Первая часть — введение и обзор литературы. Вторая часть посвящена анализу эволюции концепции региона в научном дискурсе и его операционализации в контексте задач исследования. В третьей части излагается методология проведения исследования. В четвертой приводятся описание и интерпретация полученных результатов. В пятой делаются заключительные выводы.

Регион — эволюция концепции и операционализация понятия

Одна из причин возникновения описанного выше парадокса — это то, что сам термин «регион» можно операционализировать по-разному. Говоря об отсутствии общей прибалтийской региональной идентичности, Ильвес апеллирует в первую очередь к формирующим ее материальным элементам — культуре, религии и языку¹⁰. С другой стороны, в этом же выступлении он говорит об «общем несчастном

⁶ Estonia as a Nordic Country, 1999, *Ministry of Foreign Affairs of Estonia*, URL: <https://vm.ee/en/news/estonia-nordic-country> (дата обращения: 09.02.2022).

⁷ Vabariigi President Eesti Vabariigi iseseisvuse taastamise 20. aastapäeva vastuvõtul Kadrioru roosiaias 19. augustil 2011, 2011, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/6401-vabariigi-president-eesti-vabariigi-iseseisvuse-taastamise-20-aastapaeva-vastuvotul-kadrioru-roosiaias-19-augustil-2011/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

⁸ 25 aastat hiljem — ikka veel ei ühtne ega vaba, 2014, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/10531-2014-09-09-07-14-54/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

⁹ President Toomas Hendrik Ilves riigiõhtusöögil Vilniuses 27 mail 2013, 2013, *Vabariigi President*, URL: <https://vp2006-2016.president.ee/et/ametitegevus/koned/9091-2013-05-27-16-59-54/index.html> (дата обращения: 14.02.2022).

¹⁰ В данном контексте под материальными факторами имеются в виду переменные, поддающиеся количественному измерению и сопоставлению.

опыте» Эстонии, Латвии и Литвы, тем самым все же признавая наличие неких нематериальных объединяющих факторов, и, в частности, эпизодов совместной истории.

Фактически противопоставляя одно другому, Ильвес делает вывод, что поскольку в материальном плане страны Прибалтики слишком сильно отличаются друг от друга, то сводить их в единый регион будет ошибкой. Однако для академической науки такое понимание является устаревшим. Сегодня регион как аналитическая категория основывается не на противопоставлении материальных и нематериальных факторов, а на их объединении в качестве операционных составляющих, формирующих это понятие. П. Катценштейн характеризует эту особенность следующим образом:

Они [регионы] представляют собой нечто большее, чем поток людей и товаров через физическое пространство, которое, как мы можем предположить, прямо и точно представлено на картографических изображениях. Регионы также являются социальными и когнитивными конструктами, укорененными в рамках повседневных практик [19, p. 129].

Более очевидный характер материальных факторов и связанная с этим относительная легкость их анализа предопределили то, что именно они стали первоочередными объектами для научного изучения. Такой фокус был характерен для представителей традиционной школы регионалистики¹¹.

Хрестоматийным пример — труд британского исследователя П. Хаггета «Пространственный анализ в общественной географии». В нем автор связывает установление факта существования того или иного региона с «последовательным выделением его региональных стержней и границ» [22, p. 254], под которыми понимаются различные переменные, поддающиеся измерению и сопоставлению, — климатические условия, ландшафт, экономическое развитие и т. д.

Хаггет и другие представители традиционной школы полагали, что регионы существуют объективно и могут быть «выявлены» путем определенной аналитической работы¹². При этом они практически не уделяли внимания «неформально признаваемым регионам», под которыми понимались, к примеру, различные исторические области. Хаггет называл такие феномены «интуитивно уместными», утверждая, что они «остаются отчетливыми только при взгляде издали и растворяются в новом ряду “характерных мест” при более пристальном рассмотрении» [22, p. 245].

Подобный позитивистский подход был крайне уязвим для критики в связи с его ограниченной эвристической ценностью. Так, исследователь Дж. Кимбл критиковал представителей традиционной школы, называя их работу попытками «определения несуществующих границ не имеющих значения территорий» и указывая на то, что реальные особенности жизни на местности всегда будут больше, «чем сумма всех измеримых частей, динамических или статических» [25, p. 159, 161]. Хаггет проблему признавал, но полноценного ответа на критику не сформулировал, подчеркнув, что регионы «продолжают оставаться одним из наиболее логичных и приемлемых способов организации географической информации» [22, p. 241].

Очевидно, что этот тезис мог восприниматься лишь как приглашение продолжить дискуссию. Важная работа была проделана представителями марксистской школы, установившими прямую связь между процессом регионализации и распределением капитала¹³. Видным представителем этого направления стал осно-

¹¹ Подробнее о традиционной школе регионалистики см. [20, p. 45—46; 21, p. 2—3].

¹² Подробнее о регионе как об объективном феномене см. [23; 24].

¹³ Подробнее о переосмыслении понятия «регион» в рамках марксистской школы см. [26, p. 4].

воположник мир-системной теории И. Валлерстайн, предложивший концепцию разделения географического пространства на регионы центра, периферии и полупериферии, исходя из особенностей установившихся в мире капиталистических отношений [27].

Однако подлинный прорыв в регионалистике был связан с развитием конструктивистского подхода, сторонники которого образовали так называемую новую школу¹⁴. В основе ее наработок лежит отход от восприятия региона в качестве элемента объективной реальности в пользу изучения различных движущих сил, оказывающих влияние на его возникновение и трансформацию. Иными словами, предметом изучения конструктивистов стали не столько сами регионы, сколько процессы, определяющие их формирование и эволюцию. Бельгийский исследователь Л. Ван Лангенхау характеризует эту особенность следующим образом: «Образование регионов — это всегда процесс. Регионы не создаются в одночасье, за ними стоит поэтапная последовательность с собственной внутренней динамикой и широким набором геополитических и экономических факторов» [28, р. 318]. Такой подход радикально отличался от концепции традиционной школы, представители которой полагали, что регионы определяются в соответствии с теми или иными формальными признаками.

В то же время будет неверным сказать, что представители новой школы полностью отрицали роль материальных факторов, сосредоточивая свое внимание исключительно на таких вопросах, как динамика развития региональных дискурсов или социальных практик. Скорее, наоборот, — в своих исследованиях они демонстрировали готовность сочетать нематериальные и материальные категории в тех пропорциях, которые диктовались необходимостью решения стоящих перед ними исследовательских задач. В этой связи возрос интерес к созданию комплексных моделей, отражающих процесс конструирования региона. На сегодняшний день наиболее продвинутой из них представляется модель «институционализации региона», предложенная финским исследователем А. Пааси [29; см. также: 30; 31].

Согласно этой модели, процесс конструирования региона состоит из четырех стадий: оформление территории, оформление символов, оформление институтов и функционирование. Эти стадии не обязательно следуют друг за другом, они могут идти в произвольном порядке или даже одновременно. Оформление территории подразумевает установление некоего ограниченного пространства, для которого характерны определенные объединяющие черты. Они либо возникают в результате исторического процесса, либо же просто определяются *ad hoc*. В свою очередь, границы такого пространства могут быть как «жесткими» (к примеру, установленными административно), так и «размытыми» (к примеру, если они связаны с природными условиями, культурой, ландшафтом, стереотипами о жителях и т. д.).

Оформление символов означает процесс создания смысловых образов, которые одновременно выражают и усиливают региональную идентичность. Важнейшим из них является название самого региона, озвучивание которого должно формировать определенный целостный образ как для его населения, так и для внешнего наблюдателя. К символам также относятся местные названия, отсылающие к общему прошлому и выделяющие членов одной группы на фоне других.

Оформление институтов подразумевает создание различных функциональных конструкций, сплачивающих регион в единое целое. К их числу относятся как формальные институты, такие как различные региональные организации и объединения, так и разнообразные неформальные практики, к примеру общие привычки населения или его специфическое восприятие вещей.

¹⁴ Подробнее о новой школе регионалистики см. [20, р. 47—49; 21, р. 3—6].

Наконец, функционирование региона предполагает, что он становится частью мирового пространства и коллективного сознания. Функционирующие регионы включаются в борьбу за ресурсы и власть, а их названия регулярно воспроизводятся в рамках различных дискурсов и социальных практик, распространенных в политике, экономике, массовых коммуникациях, культуре и образовании.

В соответствии с моделью Пааси готовность политиков воспроизводить название региона уже может считаться свидетельством его функционирования в качестве элемента мировой системы. Это обстоятельство позволяет предположить, что вокруг Прибалтики существует определенный контекст, при возникновении которого эстонские политики готовы как бы «забывать» о своей «исходной» северо-европейской идентичности и позиционировать Эстонию в качестве прибалтийского государства. Для установления данного контекста и особенностей такого позиционирования автор предлагает обратиться к методологии контент-анализа.

Методология

В данной работе объектами контент-анализа являются официальные выступления президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонской Республики в период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г.¹⁵ Такой выбор обусловлен тем, что политические деятели, занимающие данные должности, — с одной стороны, выразители смыслового содержания эстонской региональной идентичности, а с другой — агенты ее конструирования¹⁶. В свою очередь, их официальные выступления служат важными источниками, позволяющими судить об идентичностных представлениях как эстонской национальной элиты, так и, с известными допущениями, общества в целом.

С целью повышения качества исследования и минимизации возможных переводных искажений было принято решение использовать в работе эстоноязычные тексты официальных выступлений за исключением тех ситуаций, когда они оказывались недоступными; в этих случаях для анализа брались англоязычные тексты. Отбор корпуса исследуемых материалов производился вручную¹⁷ по трем категориям. В первую заносились тексты официальных выступлений, в которых мини-

¹⁵ В рамках данной работы под «официальным выступлением» понимается речь, произнесенная соответствующим политическим деятелем и зафиксированная в виде текста на официальном сайте (сайт президента Эстонии — <https://www.president.ee/>; сайт Правительства Эстонии — <https://www.valitsus.ee/>; сайт Министерства иностранных дел Эстонии — <https://vm.ee/en>). Таким образом, из исследовательской выборки исключены такие документы, как совместные заявления, декларации и меморандумы.

¹⁶ Согласно эстонской конституции президент страны является главой государства, а премьер-министр представляет правительство страны, которому принадлежит исполнительная власть (Конституция (основной закон) Эстонской Республики, 2011, *Riigikogu*, URL: https://www.riigikogu.ee/wpcms/wp-content/uploads/2015/02/3_Pohiseadus_VENE.pdf (дата обращения: 12.03.2022)). Таким образом политические деятели, занимающие данные должности, в силу своего статуса априори выступают важнейшими акторами как конструирования, так и выражения региональной идентичности государства. Включение в анализ министра иностранных дел обусловлено спецификой его должностных обязанностей, предопределяющих центральную роль государственного деятеля, занимающего данную должность, в осуществлении международного (и в том числе регионального) позиционирования страны.

¹⁷ В данном случае «вручную» означает, что при отборе не применялись инструменты автоматизированного анализа текстов. Таким образом, вся ответственность за возможные ошибки и искажения целиком и полностью лежит на исследователях, занимавшихся формированием выборки исследовательского материала, а также на авторе статьи.

мум единожды присутствовало какое-либо слово, образованное от корня *balti*, его производных¹⁸ или связанных с ним форм¹⁹. Вторую группу составили конкретные эпизоды употребления таких слов, иначе говоря — каждый отдельный случай их присутствия в тексте того или иного официального выступления. При этом внутри отдельных отрезков текстов речей (абзацев)²⁰, содержащих такие употребления, выявлялись ключевые слова, позволяющие судить об их контексте²¹. Третья категория формировалась путем вычленения из текстов первой группы отдельных словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*.

Такой подход к формированию корпуса исследуемых материалов был мотивирован тем обстоятельством, что в эстонском языке слова, содержащие данный корень, имеют четкую смысловую привязку к странам Прибалтики (эст. *Baltimaad*). Исследователь из Тартуского университета П. Пииримяэ отмечает, что в эстонском языке слово *Baltimaad* используется именно в узком значении — «страны Прибалтики», подразумевая только Эстонию, Латвию и Литву, в то время как для определения более широкой категории стран региона Балтийского моря применяется другой термин — *Läänemere maad* (букв. перевод — *страны Западного моря*) [5, р. 67]. Предположительно слово *Baltimaad* произошло от немецкого названия региона Прибалтики — *Baltikum*. В пользу этой теории говорит тот факт, что в этом же значении *Baltikum* иногда используется и в эстонском языке.

При этом смысловая нагрузка термина *Baltikum* в немецком языке со временем менялась. Первоначально под ним понималась территория проживания балтийских немцев в примерных границах современных Эстонии и Латвии; в ходе Первой мировой войны им стали называть все северо-западные территории Российской империи, оккупированные войсками кайзеровской Германии; и лишь в послевоенное время оно приобрело свое современное значение²².

Для целей исследования контекст употребления слов, образованных от корня *balti*, был разбит на четыре категории: социально-экономические вопросы, политика и политическая история, оборона и безопасность, а также наука, культура и образование. Отнесение того или иного употребления к определенной контекстной категории производилось путем установления наличия в сопутствующем абзаце соответствующих ключевых слов.

Ключевыми словами для категории «социально-экономические вопросы» стали:

— экономика (эст. *majandus*), развитие человеческого потенциала (эст. *inimareng*), финансы (эст. *finants*, *rahamendus*), рынок (эст. *turg*), транспортная инфраструктура (эст. *transporditaristu*), интеграция (эст. *lõimimine*), rail (в значении *Rail Baltic*), энергетика (эст. *energia*), инновация (эст. *innovatsioon*), цифровой (эст. *digitaal*), социальный (эст. *sotsiaalne*), рабочая сила (эст. *tööjõud*), природа/окружающая среда (эст. *loodus*), трубопровод (эст. *torustik*), сланцевая промышленность (эст. *põlevkivitöödustus*), благосостояние (эст. *heaolu*), бизнес (англ. *business*), инвестиции (эст. *investeeringud*).

¹⁸ Среди таковых стоит выделить формы *balto* (употребляется, в частности, в названии региональной концепции «Балтоскандия») и *baltic* (употребляется, например, в названии эстонско-финского газопровода *Balticconnector*).

¹⁹ Среди таковых стоит выделить корень *baltikum*, который в эстонском языке употребляется в значении «Прибалтика».

²⁰ В рамках выполнения исследования авторы использовали абзацную разбивку оригинальных текстов официальных выступлений, размещенных на официальных сайтах.

²¹ В отдельных случаях для установления контекста были также проанализированы абзацы текста выступления, соседние тому, в котором было употреблено слово с корнем *balti*.

²² О трансформации значения слова *Baltikum* см. [18, р. 349; 32; 33].

Ключевыми словами для категории «политика и политическая история» стали:

— советский (эст. *nõukogude*), тоталитаризм (эст. *totalitaarsus*), свобода (эст. *vabadus*), независимость (эст. *iseseisvus*), оккупация (эст. *okupatsioon*), авторитаризм (эст. *autoritaarsus*), ценности (эст. *väärtused*), история (эст. *ajalugu*), пакт Молотова — Риббентропа (эст. *Molotovi — Ribbentropi pakt*), коммунизм (эст. *kommunism*), холодная война (эст. *külm sõda*), репрессии (эст. *repressioonid*), цепь (эст. *kett*; в значении Прибалтийская цепь, эст. *Balti kett*²³), призыв (эст. *apell*; в значении Прибалтийский призыв, эст. *Balti apell*²⁴), идентичность (эст. *identiteet*).

Ключевыми словами для категории «оборона и безопасность» стали:

— оборона (эст. *kaitse*), НАТО (эст. *NATO*), безопасность (эст. *julgeolek*), союзник (эст. *liitlane*), нападение (эст. *rünnak*), воздушное пространство (эст. *õhuruum*), вооруженные силы (эст. *relvajõud*), агрессия (эст. *agressioon*), сдерживание (эст. *heidutus*), вторжение (эст. *sissetung*).

Ключевыми словами для категории «наука, культура и образование» стали:

— образование (эст. *haridus*), литература (эст. *kirjandus*), язык (эст. *keel*), культура (эст. *kultuur*), театр (эст. *teater*), интеллектуал (эст. *intellektuaal*), праздник/фестиваль (эст. *pidu*), наука (эст. *teadus*), исследование (эст. *uuring*).

Стоит отметить, что избранная автором методика формирования корпуса исследуемых материалов сопряжена с определенными погрешностями. Причина их возникновения — то обстоятельство, что некоторые слова, содержащие корень *balti*, в своем сущностном выражении выходят за рамки прибалтийской территориальной привязки. Наиболее очевидный пример составляют попадающие в исследуемую выборку случаи употребления термина *балтийско-северные страны* (эст. *Pohja-Balti ruum*, *Balti-Põhjala piirkond* и т. д.), к которым помимо Эстонии, Латвии и Литвы также относятся пять государств Северной Европы: Исландия, Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия. Если подходить еще более критично, то нельзя не отметить, что ряд таких слов олицетворяются физическими сущностями, располагающимися частично, а иногда и полностью за пределами территории прибалтийских стран. К примеру, газопровод *Balticconnector* связывает территории Эстонии и Финляндии. Маршрут планируемой железнодорожной магистрали *Rail Baltic* помимо прибалтийских стран проходит через Финляндию и Польшу, а также предусматривает строительство подземного тоннеля через Финский залив.

Однако отсеивание всех этих случаев повлекло бы за собой необоснованное усложнение исследовательской методологии. В этой связи было принято решение не вводить дополнительные условия и руководствоваться только озвученным выше правилом отбора единиц анализа на основе присутствия в их составе слов, образованных от корня *balti*.

²³ Прибалтийская цепь, или Прибалтийский путь, — состоявшаяся 23 августа 1989 г. мирная политическая акция, в ходе которой жители прибалтийских республик СССР выстроились в живую цепь от Таллина до Вильнюса общей протяженностью около 470 км. Мероприятие было приурочено к пятидесятилетию подписания советско-германского договора о ненападении (также известного как пакт Молотова — Риббентропа) и стало важным этапом на пути к последующему выходу Эстонии, Латвии и Литвы из состава союза.

²⁴ Прибалтийский призыв — открытое письмо 45 диссидентов из Эстонии, Латвии и Литвы к руководству ООН, Советского Союза, Восточной и Западной Германии, а также стран, подписавших Атлантическую хартию. Было отправлено 23 августа 1979 г., в сороковую годовщину подписания советско-германского договора о ненападении; требовало публичного раскрытия полного текста соглашения (включая секретный протокол), признания его недействительным и восстановления независимости прибалтийских советских республик. Призыв стал важной международной иллюстрацией сепаратистских настроений в Эстонии, Латвии и Литве; выдвинутые им требования были поддержаны резолюцией Европейского парламента, принятой в 1983 г.

Результаты

За период с 1 марта 2011 г. по 1 марта 2021 г. общее количество официальных выступлений президентов, премьер-министров и министров иностранных дел Эстонии, в которых минимум единожды присутствует какое-либо слово, образованное от корня *balti*, а также его производных или связанных с ним форм, составило 99 единиц; общее количество употреблений таких слов — 274 единицы; общее количество различных словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*, — 33 (рис. 1).

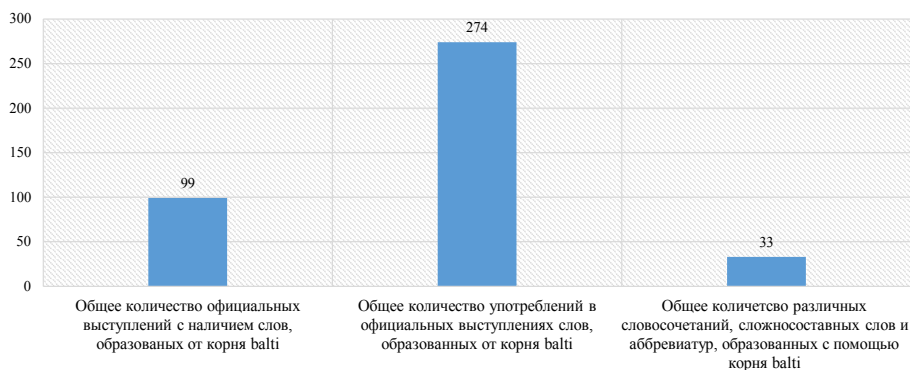

Рис. 1. Структура корпуса исследуемых материалов

Источник: здесь и далее рассчитано автором на основе данных, взятых с официальных сайтов президента Эстонии, Правительства Эстонии, Министерства иностранных дел Эстонии²⁵.

Распределение случаев употребления по контекстным категориям в абсолютных числах показано на рисунке 2, в процентном соотношении с округлением до целых значений — на рисунке 3. Стоит отметить, что поскольку один абзац текста мог содержать ключевые слова сразу из нескольких контекстных категорий, то суммарное количество употреблений, распределенных по таким категориям, получилось большим, чем общее число употреблений, показанное на рисунке 1.

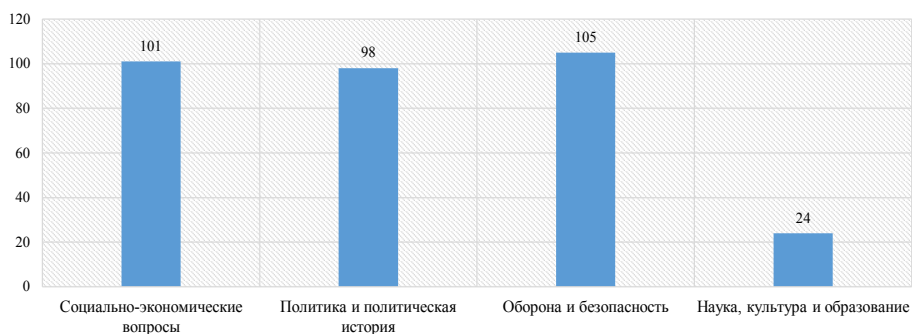

Рис. 2. Распределение случаев употребления слов, образованных от корня *balti*, по контекстным категориям, абсолютные цифры

²⁵ Vabariigi President, URL: <https://www.president.ee/>; Vabariigi Valitsus, URL: <https://www.valitsus.ee/>; Välisministeerium, URL: <https://vm.ee/en>.

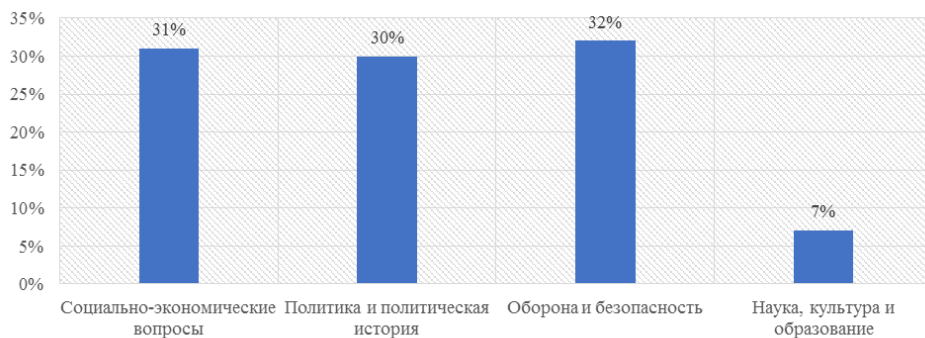

Рис. 3. Распределение случаев употребления слов, образованных от корня *balti*, по контекстным категориям, относительные значения

Различные словосочетания, сложносоставные слова и аббревиатуры, образованные с помощью корня *balti*, приводятся в таблице. Напротив каждого из них указано общее количество употреблений во всех официальных выступлениях за исследуемый период.

Перечень словосочетаний, сложносоставных слов и аббревиатур, образованных с помощью корня *balti*, встречающихся в корпусе исследуемых материалов

Прибалтийские государства / Прибалтийский регион (эст. <i>Balti riigid/Balti piirkond, Baltimaad, Baltikum, Balti region</i>)	104
Прибалтийская цепь / прибалтийский путь (эст. <i>Balti kett</i>)	26
Rail Baltic	23
Прибалтийское сотрудничество / сотрудничество прибалтийских стран (эст. <i>Balti riikide koostöö</i>)	17
Прибалтийский призыв (эст. <i>Balti apell</i>)	16
Прибалтийско-северный регион (эст. <i>Balti-Põhjala piirkond, Põhja- ja Baltimaad</i> , англ. <i>Nordic-Baltic region</i>)	15
Прибалтийско-северное сотрудничество (эст. <i>Põhja-Balti koostöö, Balti- ja Põhjamaade koostöö</i> , англ. <i>Nordic-Baltic cooperation</i>)	12
Прибалтийское воздушное патрулирование / обеспечение воздушной безопасности прибалтийских стран (эст. <i>Balti õhuturbemission</i> и схожие по значению выражения, англ. <i>Baltic air-policing mission</i>)	12
Прибалтийские немцы (эст. <i>Baltisakslased</i>)	6
Воздушное пространство прибалтийских стран (эст. <i>Balti riikide õhuruum</i>)	5
Balticconnector ²⁶	5
Прибалтийский оборонный колледж (эст. <i>Balti Kaitsekolledž</i>)	4
Прибалтийская энергосистема / электрические сети прибалтийских стран (эст. <i>Balti energiasüsteem / Balti riikide elektrivõrgud</i>)	4
Прибалтийские народы (эст. <i>Balti rahvad</i>)	3
Прибалтийская ассамблея (эст. <i>Balti Assamblee</i>)	2
Прибалтийско-польский регион (эст. <i>Balti-Poola region</i>)	2
Прибалтийский совет министров (эст. <i>Balti Ministrite Nõukogu</i>)	2
NordBalt ²⁷	1
Прибалтийско-северные экономические отношения (эст. <i>Põhja-Balti majandussuhted</i>)	1
Стокгольмский прибалтийский архив (эст. <i>Balti Arhiiv Stockholmis</i>)	1

²⁶ Balticconnector — двунаправленный газопровод, соединяющие территорию Эстонии и Финляндии.

²⁷ NordBalt — электрокабель, пролегающий по дну Балтийского моря и соединяющий энергосистемы Эстонии и Швеции.

Прибалтийская цифровая песочница (эст. <i>Balti digi-liivakast kokku</i>)	1
Прибалтийские мушкетеры (эст. <i>Balti musketärid</i>)	1
Прибалтийские соседи (эст. <i>Balti naabrid</i>)	1
Прибалтийская учительская семинария (эст. <i>Balti Õpetajate Seminar</i>)	1
Прибалтийские бароны (эст. <i>Balti parunid</i>)	1
Прибалтийский региональный терминал сжиженного природного газа (эст. <i>Balti regionaalne veedeldatud gaasi terminal</i>)	1
Baltic Ghost ²⁸	1
Прибалтийские подразделения (англ. <i>Baltic units</i>)	1
Baltic Workboats ²⁹	1
Прибалтийский зернопереработчик (эст. <i>Baltimaade teraviljatöötleja</i>)	1
Балтоскандия (эст. <i>Baltoskandia</i>)	1
Прибалтийский фланг НАТО (эст. <i>NATO Balti-tiib</i>)	1
Северные и прибалтийские соседи (эст. <i>Põhjala ja Balti naabrid</i>)	1
Общее число упоминаний	274

Данные, полученные по результатам контент-анализа, позволяют сделать следующие выводы. Как показано на рисунках 2 и 3, категории «социально-экономические вопросы», «политика и политическая история» а также «оборона и безопасность» имеют примерно равную представленность в «прибалтийском дискурсе» Эстонии. Однако их вклад в конструирование эстонского видения прибалтийской идентичности представляется различным. Причиной тому является высокая степень нарративной взаимосвязи между категориями «политика и политическая история» и «оборона и безопасность». В значимой части выступлений, попавших в эти группы, развиваются сразу два ключевых сюжета — о странах Прибалтики как о «жертвах советской оккупации» и об Эстонии, Латвии и Литве как о «восточном форпосте» Европы, НАТО, а в некоторых случаях и всей западной цивилизации перед лицом «российской угрозы». При этом второй сюжет как бы «вытекает» из первого, формируя единую логику рассуждения, которую можно выразить следующим образом: «Имея “негативный опыт” взаимоотношений с СССР, прибалтийские страны сегодня особенно остро нуждаются в укреплении своих обороны и безопасности в сотрудничестве со странами Запада перед лицом России».

Подобная логика подтверждает приводимый в первой части работы тезис М. Юркинаса о том, что советское наследие и озабоченность безопасностью в отношении России выступают фундаментом современной прибалтийской идентичности. В случае ее эстонского видения это высказывание также полностью справедливо. Тем не менее нельзя обойти стороной высокую степень присутствия в дискурсе категории «социально-экономические вопросы». Выступления политического руководства Эстонии свидетельствуют о наличии у него заинтересованности в развитии регионального сотрудничества по ряду соответствующих направлений, среди которых — укрепление внешнеэкономических связей стран Прибалтики, повышение их инвестиционной привлекательности, модернизация региональной транспортной инфраструктуры, усиление взаимодействия в информационно-технологической сфере. Однако в целом социально-экономическая категория характеризуется большим числом представленных сюжетов, среди которых сложно выделить однозначно доминирующий. Необходимо отметить, что значительную ее часть составляют вопросы обеспечения энергетической безопасности, пересекающиеся по своему содержанию с категорией «оборона и безопасность». Примечательно и то, что в социально-экономической плане Эстония зачастую противопоставляется Латвии

²⁸ Baltic Ghost — серия военных учений в области кибербезопасности с участием Эстонии, Латвии и Литвы, проводимых Европейским командованием Вооруженных сил США.

²⁹ Baltic Workboats — эстонская судостроительная компания.

и Литве как государство, которое с момента обретения независимости смогло достичь существенно больших успехов. При этом имплицитно подразумевается, что эти успехи подчеркивают право Эстонии в большей степени считаться северо-европейским государством, особенно в сравнении с Литвой, которую эстонские политики периодически классифицируют в качестве восточноевропейской страны.

Категория «наука, культура и образование» — наименее развита в рамках дискурса. Низкое количество употреблений, оказавшихся в данной контекстной категории, подтверждает тезис о том, что государства Прибалтики не представляют собой единого культурного, научного и образовательного пространства. Ситуация дополнительно усугубляется тем, что некоторые важные аспекты культурного взаимодействия прибалтийских стран (например, сотрудничество русских театров Эстонии, Латвии и Литвы) в силу очевидных причин остаются за рамками выступлений их политического руководства.

Наконец, необходимо отметить бедный институциональный и символический ландшафт прибалтийской идентичности в ее эстонском изложении. Как можно видеть, наиболее употребляемые эстонскими политиками словосочетания, сложные слова и аббревиатуры, образованные от корня *balti*, отсылают прежде всего к эпизодам совместной прибалтийской истории периода СССР (прибалтийский путь, прибалтийский призыв) либо к проблемам обеспечения обороны и безопасности Эстонии, Латвии и Литвы на современном этапе (прибалтийское воздушное патрулирование). Единственным примечательным словосочетанием, имеющим иной контекст, является железнодорожная магистраль *Rail Baltic*. Однако многочисленные проволочки с реализацией этого проекта, приведшие к его фактическому свертыванию, сегодня уже во многом дискредитировали некогда заложенный в него позитивный символический потенциал.

Примечательно также минимальное число упоминаний в выступлениях эстонских политиков существующих трехсторонних прибалтийских институтов, таких как Прибалтийская ассамблея или Прибалтийский совет министров. Это свидетельствует о том, что в реальной политической практике эстонские политики не придают им большого значения. Таким образом, дополнительное подтверждение получают выводы В. А. Оленченко и Н. М. Межевича о том, что деятельность обоих органов «носит большей частью протокольный характер» [34, с. 34], а также О. В. Коневских о роли Прибалтийской ассамблеи как «дополнительной площадки для встреч представителей трех государств», не являющейся «центральным местом для выработки единой политики стран-участниц» [35, с. 58].

Заключение

Как показал проведенный анализ, «прибалтийская идентичность» Эстонии является наиболее целостно применительно к комплексу взаимосвязанных сюжетов, касающихся советского наследия и обеспечения безопасности. Совокупно они составляют большую часть контекста, при возникновении которого эстонское политическое руководство готово отказаться от маркирования своей страны в качестве государства Северной Европы и актуализировать свою прибалтийскую идентичность. Подобная трансформация имеет как ценностную, так и инструментальную мотивацию. С одной стороны, стигматизация «советского наследия» выступает важным элементом укрепления национальной идентичности, понятным как собственному населению, так и внешним наблюдателям. С другой — она укрепляет репутацию прибалтийских стран как «специалистов по России», что несет практические преимущества — к примеру, усиливает их роль в формировании политики ЕС в отношении Москвы. При этом сама Россия является в «прибалтийском дискурсе»

Эстонии значимым другим, выступающим для руководства страны ключевым объектом опасений в области безопасности, что, в свою очередь, позволяет говорить о высокой степени секьюритизации данного дискурса.

В завершение стоит отметить, что проведенное исследование и изложенные выше выводы ни в коем случае не могут рассматриваться как исчерпывающая характеристика эстонского видения прибалтийской идентичности. Несмотря на то что политические элиты играют важную роль в конструировании региональной идентичности своего государства, на этом поле они далеко не единственные акторы. Остается большой потенциал для углубления данного исследования за счет анализа национального медиа-дискурса, образовательных практик, доктринальных политических документов, а также общественного мнения в целом³⁰. Важным направлением для проведения комплексного исследования феномена прибалтийской идентичности также будет изучение дискурса политических элит Латвии и Литвы. Как представляется, эти дискурсы будут иметь много общего с эстонским, однако, скорее всего, проявят и собственные уникальные черты.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)».

Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке данной работы студенту 1-го курса магистратуры факультета международных отношений МГИМО МИД России М. В. Березину, директору Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России В. В. Воротникову, старшему преподавателю кафедры языков стран Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России А. В. Володиной, директору Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России И. А. Окуневу, преподавателю кафедры прикладного анализа международных процессов МГИМО МИД России Н. Я. Неклюдову.

Автор также благодарит двух анонимных рецензентов за ценные комментарии, позволившие улучшить качество работы.

Список литературы

1. Бусыгина, И. М., Климович, С. А. 2017, Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе, *Балтийский регион*, т. 9, № 1, с. 7—26, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-1>.
2. Lehti, M. 2010, Baltic Europe. In: Dyson, K., Sepos, K. (eds.), *Which Europe? The Politics of Differentiated Integration*. New York: Palgrave Macmillan, p. 126—141.
3. Veemaa, J. 2010, Contextualizing 'Baltic Unity' in Estonian Post-Soviet Territorial Policies, *Journal of Baltic Studies*, vol. 41, № 1, p. 73—90.
4. Mälksoo, M. 2006, From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, vol. 37, № 3, p. 275—297, <https://doi.org/10.1177/0967010606069180>.
5. Piirimäe, P. 2017, The Baltic. In: Mishkova, D., Trencsényi, B. (eds.), *European regions and boundaries: a conceptual history*, New York: Berghahn Books, p. 57—78.
6. Purs, A. 2014, *Baltic facades*. London: Reaktion Books.
7. Velmet, A. 2011, Occupied Identities: National Narratives in Baltic Museums of Occupations, *Journal of Baltic Studies*, vol. 42, № 2, p. 189—211, <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.569065>.
8. Minoitaite, G. 2003, Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 16, № 2, p. 209—222, <https://doi.org/10.1080/09557570302047>.

³⁰ См., например, близкий по смыслу и содержанию анализ визуальных рядов продукции почтовых служб прибалтийских государств [36].

9. Berg, E. 2007, Where East Meets the West? Baltic States in Search of New Identity, In: Hayashi, T., Fukuda, H. (ed.), *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, p. 49—67.
10. Jurkynas, M. 2021, Regional identities in Estonia, Latvia and Lithuania: being Baltic, looking North. *Problems of Post-Communism*, vol. 68, № 4, p. 327—338, <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752254>.
11. Jurkynas, M. 2020, The Baltic World and Beyond. The View of the Baltic Presidents. In: Bogdanova, O., Makarychev, A. (eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms: patchworks and networks at Europe's Eastern margins*, Cham, Springer, p. 89—116, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>.
12. Jurkynas, M. 2006, Trajectories of regional identities in Lithuania, Latvia and Estonia. In: *Lithuanian political science yearbook, 2005*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science at the Vilnius University, p. 224—254.
13. Bershidsky, L. 2017, Why the Baltics Want to Move to Another Part of Europe, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-10/why-the-baltics-want-to-move-to-another-part-of-europe> (дата обращения: 25.01.2022).
14. Маркушина, Н.Ю., Межевич, Н.М. 2018, Государства Прибалтики: специфика политико-географического позиционирования. В: *Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России: материалы Всероссийской научной конференции, Сыктывкар, Коми республиканская академия государственной службы и управления*, с. 110—117.
15. Laar, M. 2002, Estonia: little country that could, London, Centre for Research into Post-Communist Economies, 390 p.
16. Jordan, P. 2014, Nation branding: a tool for nationalism? *Journal of Baltic Studies*, vol. 45, № 3, p. 283—303, <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.860609>.
17. Graney, K. 2019, *Russia, the former Soviet republics, and Europe since 1989: transformation and tragedy*, New York: Oxford University Press.
18. Brüggemann, K. 2003, Leaving the 'Baltic' States and 'Welcome to Estonia': Re-regionalising Estonian Identity, *European Review of History: Revue europeenne d'histoire*, vol. 10, № 2, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/1350748032000140831>.
19. Katzenstein, P. 2002, Area studies, regional studies and international relations, *Journal of East Asian Studies*, vol. 2, № 2, p. 127—137.
20. Jones, M. 2022, For a 'new new regional geography': plastic regions and more-than-relational regionality, *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 104, № 1, p. 43—58.
21. Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. 2018, New consolidated regional geographies. In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 1—20.
22. Haggett, P. 1965, *Locational analysis in human geography*, London: Edward Arnold.
23. Blaut, J.M. 1962, Object and relationship, *The Professional Geographer*, vol. 14, № 6, p. 1—7, https://doi.org/10.1111/j.0033-0124.1962.146_1.x.
24. Minshull, R. 1967, *Regional geography: theory and practice*. New York: Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315128276>.
25. Kimble, G.H.T. 1951, The inadequacy of regional concept. In: Stamp, L.D., Woolridge, S.W. (eds.), *London Essays in Geography*. London: Longmans, Green and Co., p. 151—174.
26. Paasi, A., Metzger, J. 2017, Foregrounding the region, *Regional Studies*, vol. 51, № 1, p. 19—30, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1239818>.
27. Wallerstein, I. 1979, *The capitalist world-economy*, New York: Cambridge University Press.
28. Van Langenhove, L. 2018, Comparing regionalism at supra-national level from the perspective of a statehood theory of regions, In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 311—321.
29. Paasi, A. 2009, The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe, *Review of International Studies*, vol. 35, № S1, p. 121—146, <https://doi.org/10.1017/S0260210509008456>.
30. Paasi, A. 1986, The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105—146.
31. Paasi, A. 1991, Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life. *Environment and Planning*, vol. 23, № 2, p. 239—254, <https://doi.org/10.1068/a230239>.

32. Baltikum, 2022, *Brockhaus Enzyklopädie*, URL: <https://brockhaus.de/ecs/permalink/578F6F3F8DDE9231F1A273A23A2778CA.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

33. Baltikum, 2022, *Carl von Ossietzky Universität Oldenburg*, URL: <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/regionen/baltikum> (дата обращения: 15.03.2022).

34. Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. 2021, Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>.

35. Коневских, О. В. 2022, Балтийская ассамблея: дискурс и ее роль на современном этапе, *Общество: политика, экономика, право*, № 5, с. 55—59, <https://doi.org/10.24158/per.2022.5.7>.

36. Воротников, В. В. 2021, Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок, *История*, т. 12, № 7, <https://doi.org/10.18254/S207987840016559-3>.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чеков, старший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: a.d.chekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7425-6170>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ESTONIAN 'BAL TICNESS' AS A SOCIAL CONSTRUCT: MEANINGS AND CONTEXTUAL SPECIFICS

A. D. Chekov

MGIMO University 76, Vernadskogo Prospekt, Moscow,
1199454, Russia

Received 03 April 2022

Accepted 10 December 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-3

© Chekov, A. D., 2023

This paper explores the Estonian vision of Baltic identity. Estonia's authorities have repeatedly articulated their scepticism towards the concept of a stand-alone 'Baltic region' and the inclusion of Estonia in it, preferring to position their state as a Nordic country. Yet, in numerous cases, they have clearly labelled Estonia as a Baltic State. To identify the contexts and meanings labelling the country as a Baltic State, this contribution provides a content analysis of official speeches given by Estonia's political leadership. It is concluded that, despite the visibility of socioeconomic issues in the discourse, the most comprehensive image of Estonian 'Balticness' is constructed by interconnected narratives built around the Soviet past and the 'security threats' associated with Russia. The theoretical framework of regionalism, which allows one to consider the Baltics as a social construct rather than a set of material factors, provides an additional explanatory model.

Keywords:

Estonia, Baltic, Baltic States, identity, regionalism, constructivism

References

1. Busygina, I. M., Klimovich, S. A. 2017, A coalition within a coalition: the Baltics in the European Union, *Baltic region*, vol. 9, № 1, p. 7–26, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-1>.
2. Lehti, M. 2010, Baltic Europe. In: Dyson, K., Sepos, K. (eds.), *Which Europe? The Politics of Differentiated Integration*. New York: Palgrave Macmillan, p. 126–141.
3. Veemaa, J. 2010, Contextualizing ‘Baltic Unity’ in Estonian Post-Soviet Territorial Policies, *Journal of Baltic Studies*, vol. 41, № 1, p. 73–90.
4. Mälksoo, M. 2006. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, vol. 37, № 3, p. 275–297, <https://doi.org/10.1177/0967010606069180>.
5. Piirimäe, P. 2017. The Baltic. In: Mishkova, D., Trencsényi, B. (eds.), *European regions and boundaries: a conceptual history*, New York: Berghahn Books, p. 57–78.
6. Purs, A. 2014, *Baltic facades*. London: Reaktion Books.
7. Velmet, A. 2011, Occupied Identities: National Narratives in Baltic Museums of Occupations, *Journal of Baltic Studies*, vol. 42, № 2, p. 189–211, <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.569065>.
8. Minoitaite, G. 2003, Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 16, № 2, p. 209–222, <https://doi.org/10.1080/09557570302047>.
9. Berg, E. 2007, Where East Meets the West? Baltic States in Search of New Identity, In: Hayashi, T., Fukuda, H. (ed.), *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, p. 49–67.
10. Jurkynas, M. 2021, Regional identities in Estonia, Latvia and Lithuania: being Baltic, looking North. *Problems of Post-Communism*, vol. 68, № 4, p. 327–338, <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1752254>.
11. Jurkynas, M. 2020, The Baltic World and Beyond. The View of the Baltic Presidents. In: Bogdanova, O., Makarychev, A. (eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms: patchworks and networks at Europe's Eastern margins*, Cham, Springer, p. 89–116, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9>.
12. Jurkynas, M. 2006, Trajectories of regional identities in Lithuania, Latvia and Estonia. In: *Lithuanian political science yearbook, 2005*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science at the Vilnius University, p. 224–254.
13. Bershidsky, L. 2017, Why the Baltics Want to Move to Another Part of Europe, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-10/why-the-baltics-want-to-move-to-another-part-of-europe> (accessed 25.01.2022).
14. Markushina, N. Yu., Mezhevich, N. M. 2018, The Baltic States: Specifics of Political and Geographical Positioning. In: *Socio-Economic, Political and Historical Aspects of the Development of Northern and Arctic Regions of Russia: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Syktyvkar, 17–18 October 2018*, Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Management, p. 110–117.
15. Laar, M. 2002, Estonia: little country that could, London, Centre for Research into Post-Communist Economies, 390 p.
16. Jordan, P. 2014, Nation branding: a tool for nationalism? *Journal of Baltic Studies*, vol. 45, № 3, p. 283–303, <https://doi.org/10.1080/01629778.2013.860609>.
17. Graney, K. 2019, *Russia, the former Soviet republics, and Europe since 1989: transformation and tragedy*, New York: Oxford University Press.
18. Brüggemann, K. 2003, Leaving the ‘Baltic’ States and ‘Welcome to Estonia’: Re-regionalising Estonian Identity, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 10, № 2, p. 343–360, <https://doi.org/10.1080/1350748032000140831>.
19. Katzenstein, P. 2002, Area studies, regional studies and international relations, *Journal of East Asian Studies*, vol. 2, № 2, p. 127–137.
20. Jones, M. 2022, For a ‘new new regional geography’: plastic regions and more-than-relational regionality, *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 104, № 1, p. 43–58.
21. Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. 2018, New consolidated regional geographies. In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 1–20.

22. Haggett, P. 1965, *Locational analysis in human geography*, London: Edward Arnold.
23. Blaut, J.M. 1962, Object and relationship, *The Professional Geographer*, vol. 14, № 6, p. 1–7, https://doi.org/10.1111/j.0033-0124.1962.146_1.x.
24. Minshull, R. 1967, *Regional geography: theory and practice*. New York: Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315128276>.
25. Kimble, G.H.T. 1951, The inadequacy of regional concept. In: Stamp, L.D., Woolridge, S.W. (eds.), *London Essays in Geography*. London: Longmans, Green and Co., p. 151–174.
26. Paasi, A., Metzger, J. 2017, Foregrounding the region, *Regional Studies*, vol. 51, № 1, p. 19–30, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1239818>.
27. Wallerstein, I. 1979, *The capitalist world-economy*, New York: Cambridge University Press.
28. Van Langenhove, L. 2018, Comparing regionalism at supra-national level from the perspective of a statehood theory of regions, In: Paasi, A., Harrison, J., Jones, M. (eds.), *Handbook on the geographies of regions and territories*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, p. 311–321.
29. Paasi, A. 2009, The resurgence of the ‘Region’ and ‘Regional Identity’: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe, *Review of International Studies*, vol. 35, № S1, p. 121–146, <https://doi.org/10.1017/S0260210509008456>.
30. Paasi, A. 1986, The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105–146.
31. Paasi, A. 1991, Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life, *Environment and Planning*, vol. 23, № 2, p. 239–254, <https://doi.org/10.1068/a230239>.
32. Baltikum, 2022, *Brockhaus Enzyklopädie*, URL: <https://brockhaus.de/ecs/permalink/578F6F3F8DDE9231F1A273A23A2778CA.pdf> (accessed 15.03.2022).
33. Baltikum, 2022, *Carl von Ossietzky Universität Oldenburg*, URL: <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/regionen/baltikum> (accessed 15.03.2022).
34. Olenchenko, V.A., Mezhevich, N.M. 2021, The Visegrad Group and the Baltic Assembly: coalitions within the EU as seen through Russian foreign policy, *Baltic region*, vol. 13, № 3, p. 25–41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>.
35. Konevskikh, O.V. 2022, Baltic Assembly: discourse and its role at the present stage, *Society: Politics, Economics, Law*, № 5, p. 55–59, <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.7>.
36. Vorotnikov, V.V. 2021, National Historical Myth as an Element of the Baltic States’ Strategic Cultures: Examining Postage Stamps, *Istoriya*, vol. 12, № 7, <https://doi.org/10.18254/S207987840016559-3>.

The author

Alexander D. Chekov, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

E-mail: a.d.chekov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7425-6170>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))